

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Рецензия на книгу:
**SHAPING HUMAN SCIENCE DISCIPLINES: INSTITUTIONAL
DEVELOPMENTS IN EUROPE AND BEYOND (2019)
EDITED BY CHRISTIAN FLECK, MATTHIAS DULLER,
VICTOR KARÁDY. PALGRAVE MACMILLAN. —
396 p. ISBN 978-3-319-92779-4**

Михаил Владимирович Синютин (sinewtin@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Синютин М.В. (2019) Рецензия на книгу: *Shaping Human Science Disciplines: Institutional Developments in Europe and Beyond (2019)* Edited by Christian Fleck, Matthias Duller, Victor Karády. Palgrave Macmillan. — 396 p. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1): 225–241.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.10>

Все чаще методология истории социологии становится полем новых экспериментов. Одним из показательных примеров служит книга «Формирование институционального развития гуманитарных наук в Европе и за ее пределами». Она вышла в серии социально-исторических исследований по общественным и гуманитарным наукам известного международного издательства Palgrave Macmillan в рамках исследовательского проекта группы зарубежных ученых, обеспеченных четырехлетним (2013–2017) грантом Европейского союза. Вдохновителем и редактором этого коллективного труда является австрийский социолог Кристиан Флек из Университета Граца, а сегодня одновременно главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. Его ключевая идея состоит в привнесении социологической методологии в исследование по истории социологии. Отличительная методологическая особенность и новизна проекта выражается в расширении дисциплинарных границ социологии до рамок целого комплекса социогуманитарных наук.

Книга состоит из десяти самостоятельных глав, введения и заключения, которые позволяют по шаблону рассмотреть интересующую проблему на примере отдельных стран (Германии, Великобритании, Италии, Голландии, Швеции, Венгрии и Аргентины). На примере каждой страны рассматривается институциональное развитие семи социогуманитарных

дисциплин (философия, литературоведение, экономика, социология, психология, антропология, политические науки).

Во введении «Формирование дисциплин — последние институциональные разработки в области социальных и гуманитарных наук в Европе и за ее пределами» Кристиан Флек, Маггиас Дуллер (Университет Грац, Австрия) и Виктор Каради (Центральный Европейский университет, Будапешт, Венгрия) формулируют концепцию всей книги. Они подчеркивают, что институциональный подход более подходит для сравнительных исследований истории наук, нежели для изучения истории теоретических идей или отдельных ученых. Для понимания истории каждой научной дисциплины важны ее происхождение, отношение со смежными науками и аргументация по поводу ее границ. Авторы осознают, что условия воплощения общей схемы в исследовании конкретной страны могут вести к специфическим отличиям.

Флек, Дуллер и Каради сосредоточены на выявлении «генезиса институциональных структур из привычных рутин имеющих ветвей знания» (р. 14) и берут на вооружение комплексный подход Эдварда Шилза. В качестве отправной точки исследования в книге взята первичная организационная единица академической деятельности, как она представлена в конкретной стране в конкретный период времени; здесь происходит повседневная профессиональная коммуникация ученых. Однако первичные организации с их специфическими целями оказываются крепко укорененными в национальном историческом и культурном контексте. «Наша исследовательская стратегия, — отмечают авторы, — может быть представлена в три этапа. Во-первых, целесообразно определить показатели понимания и оценки институционализации в целом. Во-вторых, перечень показателей, используемых в последующих главах, будет представлен в конкретном выражении. В-третьих, будет предпринята попытка сделать вывод с кратким обсуждением пределов нашего анализа» (р. 17–18).

Первая глава «Подъем социальных и гуманитарных наук во Франции: институционализация, профессионализация и автономизация» написана Жизель Шапиро, Клариссой Фордан (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция) и Эриком Браном (Университет Пикардии им. Жюль Верна, Амьен, Франция). В ходе институционализации социогуманитарных наук во Франции авторами просматриваются две исторических стадии. Первая стадия началась в конце XIX в. и длилась до середины XX в., привнеся элементы немецкой академической модели (единство преподавания и исследования, ступеней обучения, общенациональная квалификация). В этот период интеллектуальная жизнь Франции была

сосредоточена в Париже. Появляются профессиональные ассоциации, общества и журналы. Для всякой академической дисциплины разделение на преподавателей и теоретиков оставалось существенным. Правительство откликалось на академические процессы и предоставляло карьерные возможности для новых профессий; например дипломированные специалисты по этнологии требовались для нужд колониальной администрации.

Вторая стадия, начавшаяся в 1950–1960-е годы, несла на себе печать американской модели науки и образования, связанной с системой частного финансирования крупных исследовательских проектов. Переход к обществу всеобщего благосостояния усилил, с одной стороны, эмпирическую ориентацию, а с другой стороны, антимарксизм. Государство стало выступать заказчиком по программам административной и политической подготовки. При Министерстве национальной экономики было создано подразделение (INSEE) с 18 региональными филиалами для планирования послевоенного восстановления хозяйственной жизни, применяя кейнсианские методы. Социология разделилась на группу теоретиков-марксистов во главе с Ж.-П. Сартром и группу эмпириков, ориентированную на статистические разработки и применение американской модели опросов общественного мнения. При поддержке Фонда Рокфеллера сформировалась практика междисциплинарных международных социогуманитарных исследований во главе с Л. Ле Февром и Ф. Броделем. С введением системы бакалавриата в 1957 г. установилось деление на факультет экономики, факультет литературоведения, факультет гуманитарных наук. Социология была «лицензирована» стараниями Р. Арона в 1958 г., а экономика — год спустя. Но только в 1969 г. социология была обособлена от философии на уровне преподавательских должностей. Схожая картина была у литературоведения и политической науки.

К началу XXI в. Болонский процесс придал новый импульс изменению ландшафта социогуманитарных наук. Этот процесс идет на фоне усиления двух актуальных тенденций — феминизации и интернационализации. Множество показателей подтверждают устойчивость этих тенденций. По данным Шапиро, Фордан и Бран, наиболее феминизированными дисциплинами выступают литературоведение, антропология и социология, тогда как наименее — философия, экономика и политическая наука. Наименее интернационализированными социогуманитарными дисциплинами во Франции они называют литературоведение, когнитивные науки и экономику.

Главу «Германия: после мандаринов» написали Кристиан Флек, Маттиас Дуллер и Рафэль Шёглер (Университет Грац, Австрия). Редкий случай, когда на уровне международного сборника о немецкой социологии выска-

зываются не немцы. Не углубляясь далеко в историю, авторы начинают с поворотного, по их мнению, пункта в развитии немецких социально-гуманитарных наук — с крушения Третьего Рейха. Это событие сказалось как на содержательной, так и на формально-институциональной стороне интеллектуального развития Германии. Но стоит заметить, что общая логика главы отдает абсолютный приоритет академической жизни Западной Германии, явно занижая ценность научно-исследовательских процессов в Восточной Германии. Взвзвись отразить процессы одновременно в двух разных странах, авторы, увы, в результате недалеко уходят от банального параллельного описания.

Они подчеркивают, что социогуманитарные дисциплины развивались в ФРГ и ГДР по-разному. С одной стороны, на взгляд авторов, восточно-германская наука всецело приняла «марксистско-ленинскую форму», тогда как развитие западногерманских наук было более разнообразным. С другой стороны, авторы отмечают, что обновление научно-образовательных институтов шло в ногу со становлением новой государственности обеих Германий и под контролем правительств победившей коалиции (СССР, США, Великобритании, Франции). «В течение полутора академических поколений габитус прежних германских мандаринов был целиком искоренен и появился новый» (р. 72). Немецкая профессура потеряла былое величие и связи во власти. На смену пришли образованные профессионалы, более ориентированные на статус в своем дисциплинарном сообществе, чем в публичном пространстве. Но при более внимательном прочтении оказывается, что, хотя количество университетов и профессоров существенно возросло в обоих немецких государствах, авторы признают: понижение доходов и статуса характерно больше для Западной, чем для Восточной Германии. По данным авторов, в ГДР не только было обновлено более 80 % прежнего преподавательского состава университетов за счет расширения социальной базы, но и, в отличие от других восточноевропейских стран, интеллигенция проявила единство с политическим руководством, не участвуя в каких-либо акциях против властей. Это объясняется политизированностью отбора, сопровождавшегося членством в правящей партии.

В ФРГ, по мнению Флека, Дуллера и Шёглера, философия не только восстановила традиции немецкой классики, но и освоила главные американские направления XX в. Причем рецепция американской науки выделяется во всех социогуманитарных областях. Экономическая теория утвердилась в привычных теоретических формах (историзм, кейнсианство, неоклассика) только в 1950-е годы в связи с дебатами вокруг создания «социальной рыночной экономики». В социологической теории тон зада-

вали три школы — Франкфуртская (Хоркхаймер, Адорно), Кёльнская (Кёниг), и школа Хельмута Шельски, — но практические исследования в основном оказались под влиянием американского эмпиризма. Психология, пережившая в Третьем Рейхе бурное, но одностороннее развитие, сравнительно безболезненно прошла период обновления по новым стандартам бихевиоризма, что повысило спрос на профессиональных психологов со стороны работодателей. Политические науки, как можно догадаться, подверглись весомой реновации после Второй мировой войны, а в их содержании преобладала тема политической ситуации в Веймарской республике, приведшая к господству нацизма. Вплоть до 1960-х годов антропологи в ФРГ не испытывали сильного международного воздействия, сохраняя традиционное деление на изучение индивидов в контексте немецкой национальной культуры (*Volkskunde*) и исследование народов преимущественно неевропейского типа (*Völkerkunde*). Немецкое литературоведение длительное время поддерживало классический канон, и это привлекало многих в середине XX в. Но в 1960-е годы молодое поколение германистов под лозунгами историзма оживило научную дискуссию, сдвинув проблематику от классики в сторону современности.

Флек, Дуллер и Шёглер утверждают, что за последние 30 лет все немецкие социогуманитарные дисциплины показали рост по базовым показателям, особенно экономика и психология. Сильной стала тенденция феминизации, прежде всего в антропологии, литературоведении и психологии. Менее всего это коснулось сферы политической науки. Однако картина была неровной по статусным профессиональным уровням различных дисциплин и организаций. «Единственной дисциплиной, в которой мы наблюдаем более надежные признаки конвергенции власти между полами, является социология» (р. 101). В целом во второй половине XX в. свои позиции потеряла философия, тогда как социология и политические науки поднялись значительно.

Четвертая глава «Послевоенное институциональное развитие социогуманитарных наук в Великобритании» написана Маркусом Морганом (Университет Бристоля, Великобритания). Он утверждает, что многие британские социально-гуманитарные дисциплины оказались под влиянием тематики военного времени. Научное сообщество испытало усиление правительственного воздействия на академические институты, включая финансовую поддержку обучающихся. Приток учащихся в университеты сопровождался увеличением среди них доли ветеранов войны. Постепенное сокращение финансирования социогуманитарных наук началось только с 1970-х годов, что мотивировалось экономическими трудностями страны. Могран пишет, что политика М. Тэтчер строилась на скептическом

отношении к полезности общественных наук. Упор был сделан на изменение финансирования через гранты, направленность которых регулировалась специальными комитетами. Однако интересы комитетов к разным научным дисциплинам были неодинаковы. Так, психология пользовалась максимальной поддержкой, а антропология наоборот.

Морган отмечает, что с началом XXI в. реформы университетов все более вели к превращению студента в «рыночного потребителя образования». И в университетской среде произошел раскол по поводу финансовой политики. Одновременно имел место «постепенный отказ от поручения ученым формулировать политические предложения для учреждений, в которых они работают, что произошло одновременно с ростом управленческого класса, берущего на себя ответственность за управление университетами» (р. 127). Было бы удивительно, если бы именно в Великобритании вопрос качества финансовой сделки, в данном случае в образовательной сфере, не стоял на повестке дня в первую очередь. Однако в деталях система финансирования выглядит сложнее, и интересы ученых не кажутся незащищенными. Морган показал, как последовательно растет доля финансовых поступлений от студентов. Сегодня стоимость обучения бакалавров самая высокая именно в Великобритании. Вдобавок до сих пор сохраняется настырное участие американских филантропических организаций (прежде всего Фонда Рокфеллера) в поддержке британских социальных наук.

Как доказывает Морган, наиболее заметной тенденцией социогуманитарных наук Великобритании последних десятилетий является количественный рост, объясняемый политикой государственной поддержки. Вторая тенденция — это феминизация (55 % студентов, 45 % преподавателей, 22 % профессоров). Обнаруживается, что социальные науки менее сбалансированы гендерно, чем гуманитарные. Больше всего женщин среди психологов и лингвистов, меньше всего — в политических науках. В течение второй половины XX в., как считает Морган, под видом интернационализации в Великобритании стала развиваться американизация научного знания. Косвенно это стало стимулом международного интереса к получению британского литературно-лингвистического образования.

Профессионализация в отдельных социогуманитарных дисциплинах шла по-разному: иногда поддерживалась связь теоретических и прикладных исследований (как в психологии), а иногда, как в социологии, усиливалась разобщенность. Новые тенденции, особенно связанные с миграцией ученых и междисциплинарными контактами, значительно усилили разнообразие британского академического сообщества.

Авторами пятой глава «Дисциплина и (академическое) племя: гуманитарные и социальные науки в Италии» являются Барбара Грюндиг, Марко Санторо и Андреа Галлетти (Университет Болоньи, Италия). Они полагают, что, несмотря на глубокие исторические культурные корни итальянского социогуманитарного знания, а также сильных предшественников в лице В. Парето, Г. Моски и А. Грамши, двадцатый век не принес большого успеха для общественной мысли Италии. Поэтому сегодня итальянские университеты не занимают позиций в первой сотне мировых академических рейтингов и не привлекательны для карьеры. В образовательной системе сильно влияние государства, что ведет к строгой системе классификации всех субъектов академической жизни и дисциплин. Жесткость этой системы порождает «дисциплинарную клановость» и сосредоточение науки в университетах.

С точки зрения авторов, три момента итальянской истории отразились на развитии социогуманитарных наук — объединение Италии (1861), установление фашистского режима (1922), создание итальянской республики (1946). К моменту объединения в Италии только три дисциплины были академически институционализированы — философия, литература и экономика. В конце XIX в. состоялась институционализации антропологии, психологии, социологии и политических наук. Но если первые две успешно развивались организационно, то вторые — лишь на уровне отдельных курсов. С приходом к власти фашистов поддержку получил не-оидеализм, защищаемый министром-философом Дж. Джентиле. В результате его реформ гуманитарные дисциплины получили приоритет, хотя политические науки выдвинулись как форма необходимого образования для государственных служащих, а университеты приобрели относительную автономию. На этом фоне позиции социологии стали слабеть, несмотря на то что курсы по социологии пополнили программы преподавания политических наук. Антропология стала интерпретироваться как естественно-научная дисциплина, а культурная антропология оказалась маргинализирована и подчинена исторической науке. Психология было существенно ограничена в возможностях.

Несмотря на крах фашизма, как указывают Грюндиг, Санторо и Галлетти, ситуация практически не менялась до 1960-х годов. Перемены начались лишь после активных студенческих выступлений. Были открыты образовательные программы по социологии (1967) и психологии (1971). Последующее обновление программ пошло активно лишь с внедрением Болонского процесса. В 1997 г. университеты получили право создавать учебные программы, а в 1999 г. на смену традиционной 4–6-летней модели пришла система разделения бакалавриата и магистратуры «3+2». Причем

из социогуманитарных наук только антропология еще не была выделена в самостоятельную учебную программу. Тем не менее образовательные варианты и возможности значительно выросли. Решающим фактором в количестве предлагаемых курсов остается наличие профессоров, читающих конкретные дисциплины. Наиболее цельными являются в Италии программы по социологии, включающие в среднем по 20 профессоров; политические науки и литература выглядят на этом фоне более междисциплинарными. Авторы отмечают тенденцию повышения значимости социологии и психологии и снижения значимости философии и литературы.

Значительное влияние на дисциплинарный ландшафт итальянских социогуманитарных наук оказывали административные критерии. Это затронуло даже организацию научных ассоциаций и журналов. Авторы обнаружили парадокс: усиление государственного влияния накладывалось на существенную автономию конкретных дисциплин и академических групп. Этому содействовали относительная закрытость итальянской университетской среды, политическая ангажированность «мафиозного толка» и отсутствие практик независимого оценивания качества научных исследований в социогуманитарной сфере.

Глава шестая «Институционализация социогуманитарных дисциплин в Нидерландах: 1945–2015» подготовлена Робом Тимансом (Роттердамский университет Эразмус, Голландия) и Йоханом Хейлброном (Европейский центр социологии и политической науки, Париж, Франция). Они утверждают, что процесс институционализации социогуманитарных дисциплин в Нидерландах происходил при усиливающейся тенденции государственного вмешательства в образование, что сделало процесс принятия решений в этой сфере более централизованным, а сами образовательные учреждения менее автономными. Если до середины XX в. государство лишь регулировало законодательство об образовании, то с 1945 по 1964 г. оно уже контролировало и расходы на образование, а с 1965 по 1981 г. под влияние государства подпали образовательные программы. Наконец, последующие почти четыре десятилетия государство сосредоточилось на урезании образовательного бюджета. Второй существенной тенденцией, отмеченной авторами, стало возрастание интеллектуальной ориентации на американскую академическую традицию.

По мнению Тиманса и Хейлброна, важнейшим практическим шагом в развитии голландского социогуманитарного образования стало открытие в 1947 г. факультета политических и социальных наук в Амстердамском университете. Значительное внимание государства в следующий период было приковано к оптимизации срока обучения, который тогда составлял

пять лет. Под давлением студенческих волнений 1960-х годов правительство приняло меры по демократизации системы принятия решений внутри университетов. В период 1980-х годов, ознаменовавшийся последствиями экономического кризиса, правительственные усилия, как показывают авторы, были сосредоточены на реструктурировании налогов и сокращении бюджета в сфере науки и образования. С конца 1980-х годов новый виток бюджетного сокращения привел к активному введению междисциплинарных форм обучения. В результате принятых политических решений «менее большие департаменты (такие как антропология и социология) пострадали больше всего, часто не будучи в состоянии собрать критическую массу, необходимую для того, чтобы противостоять академической бюрократии, ответственной за осуществление новых мер» (р. 205).

В плане академической институционализации в Нидерландах много раньше остальных социогуманитарных дисциплин преуспели экономика и антропология, а медленнее всего этот процесс шел для психологии. В послевоенный период вплоть до 1980-х годов в академической среде выработалась установка на приоритетное значение философского знания. Правительство Нидерландов, ориентированное на плановые нововведения в развитии экономики, в эти десятилетия стало поддерживать подготовку соответствующих специалистов и проведение научных исследований по математическому моделированию. В целом, как считают авторы, экономические образовательные программы росли вплоть до кризиса 1970–1980-х годов, после чего начался переход к двухступенчатой системе. Несмотря на сильную антропологическую школу с колониальных времен, послевоенная голландская антропология оказалась под сильным американским влиянием. В 1960-е годы количество антропологических программ было сокращено, а впоследствии введение двухступенчатой системы образования стимулировало кооперацию антропологов в рамках растущих междисциплинарных программ.

Институционализация психологии в Голландии отставала от других специальностей из-за зависимости от философии. Только распространение экспериментальной психологии американского образца дало толчок дальнейшим институциональным изменениям, и во второй половине столетия психология быстро стала одной из наиболее востребованных социогуманитарных наук в Голландии. Социологическая мысль Нидерландов приняла общий международный стандарт только в 1960-е годы вместе с популярностью теории Мертон. Но с началом изменений академической модели в 1980-е годы социология все более переориентировалась на междисциплинарные программы обучения и исследования. Политические науки, выделившись из системы юридического образования только

в середине XX в., приобрели имидж «левой идеологии». Главным интересом исследований в политических науках долгое время были выборы и электорат. Позднее в фокус попали политические партии и парламент. Однако уже несколько десятилетий политические науки сокращаются из-за уменьшения бюджетных ассигнований на науку и образование. Тиманс и Хейлброн пишут, что в середине XX в. голландское литературоведение наконец отделилось от филологии под влиянием схожих тенденций в Германии и США.

Глава седьмая «Обратный порядок: расширение и дифференциация социальных и гуманитарных наук в Швеции 1945–2015» написана Тобиа-сом Далбергом, Микаэлем Бьорйессоном и Дональдом Бродли (Упсальский Университет, Швеция). В Швеции, как они полагают, наиболее бурный рост социальных наук пришелся на 1950–1960-е и на 1990-е годы, превратив их из узкой элитарной специализации в широкую сферу, вовлекающую половину учащейся молодежи в наши дни. Это было частью политики, проводимой пришедшими к власти социал-демократическими силами Швеции. Расширение академической сферы сопровождалось увеличением дифференциации как учебных программ, так и кафедр.

На протяжении XX столетия основными потребителями кадров, выпускаемых социогуманитарными специальностями шведских университетов, были, как полагают авторы, образовательные учреждения и реже — научно-исследовательские организации. После окончания Второй мировой войны возрос спрос на дипломированных специалистов в области социогуманитарного знания. Помимо государственной поддержки, академической сфере стали помогать частные фонды (Валленберг, Хандельсбанкен, Рокфеллер).

К середине XX в. в Швеции, как показывают Далберг, Бьорйессон и Бродли, было всего два государственных и два частных университета. Реформы второй половины столетия прошли под лозунгами унификации, маркизации и интернационализации. Унификация 1960-х годов связала объемы финансирования с численностью обучающихся, ввела новую должность (лектора), сосредоточенную исключительно на преподавании, а также поддержала образовательные кредиты и, наконец, расширила сферу образование за счет системы филиалов и двух новых университетов. Чтобы справиться с растущим удорожанием образования, в 1977 г. принимаются меры по фиксации числа возможных образовательных программ. Между тем постдипломные формы образования приравниваются к регулярным программам, удваивая, таким образом, численность обучающихся, также вводится система университетских колледжей. Реформа 1993 г. была направлена на повышение эффективности управления ресур-

сами, а также на решение проблем увеличения мобильности и инноваций. Для этого была увеличена автономия университетов и задействованы экономические стимулы с ориентацией на студенческий выбор. Реформа 2007 г. связана с введением Болонской системы (3+2+3 года), установившей общие международные стандарты и повысившей возможности академической мобильности между странами.

По данным авторов, за последние 60 лет численность студентов выросла на 2500%, но по составу постарела почти вдвое. «Укрепление государства всеобщего благосостояния и его институтов на основе убеждения в том, что общество должно оказывать больше услуг и что развитие должно направляться рациональным планированием» (р. 262) подняло спрос на управленцев и экспертов с социогуманитарными дипломами. Сразу после войны наиболее хорошо финансируемой отраслью исследований стала социология. Позднее того же уровня достигли политические науки. Также весьма успешны оказались экономика и литературоведение. Однако в 1970-е годы пальму первенства по финансированию исследований забрала психология.

Далберг, Бьорйессон и Бродли пишут, что если в 1950–1980-х годах можно было увеличить численность преподавателей лишь путем количества университетов либо с помощью открытия специализированных кафедр, то начиная с 1990-х годов университеты, получившие автономию в ряде вопросов, стали умело пользоваться спросом на рынке образовательных услуг, оперативно реагируя на вкусы обучающихся. Социальные дисциплины, за исключением антропологии, выросли по всем параметрам. Рост женщин среди преподавателей происходил небыстро, однако неизбежно, приведя соотношение к демографическому балансу. Однако до сих пор наиболее продуктивные в плане защит докторских диссертаций экономика и психология имеют наиболее низкую долю защит среди женщин. Начиная с 1960-х годов по настоящий момент психология всегда лидировала по числу студентов, оставляя в конце списка литературу, философию и антропологию. В заключение авторы отмечают, что наука и образование потеряли теперь свою «шведскость», уступив тенденциям глобализации и американизации.

Главу восьмую «Институционализация и профессионализация социальных наук в Венгрии с 1945 года» подготовили Виктор Каради (Центральный Европейский университет, Будапешт, Венгрия) и Петер Тибор Надь (Теологический колледж Джона Уэсли, Будапешт, Венгрия). Они доказывают, что академическое сообщество Венгрии формировалось и развивалось под влиянием политических процессов государственного строительства. В рамках Австро-Венгерской империи институциональной

базой венгерских социально-гуманитарных наук стала Академия наук, основанная в 1825 г., где в середине века появилась национальная статистическая служба. На рубеже столетий начинают формироваться первые профессиональные ассоциации ученых по специализациям (история — 1867; география — 1872; философия — 1882; этнография — 1889; педагогика — 1891; экономика — 1894; социальные науки — 1901; литературоведение — 1911; психоанализ — 1913; статистика — 1923; психология — 1927). На социальные науки сильное влияние оказывал психоанализ, получивший самое широкое признание в городской среде, быстро развивавшейся в Венгрии вместе с капитализмом. С падением империи Габсбургов Венгрия строит новые политические институты на волне подъема, с одной стороны, национального самосознания и, с другой стороны, социал-демократии.

Каради и Надь указывают, что первой успешной самостоятельной отраслью стала экономика после создания экономического факультета в Будапеште (1920), развившегося в отдельный университет (1948). Для социальных наук в целом существенным фактором институционализации было реформирование статистической службы сообразно новым историческим целям в межвоенный период. С окончанием Второй мировой войны социальные науки стали развиваться быстрее: возникают новые кафедры, журналы, исследовательские центры. Академическая сфера широко открылась для женщин и бедных слоев населения: число студентов выросло в пять раз. Однако к 1950-м годам усиливается политическое давление, что проявляется в идеологической фильтрации дисциплин и кадров на следование «социалистическому курсу». Ряд прежних научных обществ закрылись вместе со своими журналами. Студенческая и академическая молодежь активно вовлекается в партийную сферу. По советскому шаблону была введена двухступенчатая система ученых степеней, визируемых Академией наук.

После событий 1956 г., пишут авторы, происходит либерализация, позволившая социально-гуманитарным наукам распространять немарксистские идеи, изучая опыт западных стран. Новшества западных исследований регулярно появлялись на страницах венгерских научных изданий, хотя некоторые не прошедшие цензуру и острые публикации выходили подпольно. Но до 1989 г. значительных изменений не происходило ни в науке, ни в образовании. За этот период многие венгры получали марксистское образование по социогуманитарным наукам в СССР. Спрос на такую квалификацию поддерживался обязательностью данных предметов для любых университетских специальностей, что требовало соответствующего количества кадров.

Со сменой политической власти и демонтажем социалистической системы видоизменяются субъекты академической жизни и их связи с политическими структурами в сторону автономии, но повышается интерес к общественной проблематике. Растет количество изданий, профессиональных организаций, увеличиваются международные контакты. Молодежь демонстрирует повышенный интерес к экономическим и юридическим специальностям. Для преодоления «советского наследия» на средства миллиардера Сороса создается Центральный Европейский университет в Будапеште, построенный по американской модели. В рамках адаптации к Болонской системе вводится новая модель образования (бакалавриат — магистратура — докторантура). Преобразуется система финансовой поддержки, где ключевую роль играют фонды с временными грантами, прежде всего центральные венгерский научный фонд ОТКА, также поддерживаемый фондом Сороса. Авторы делают вывод, что во второй половине XX в. советское влияние на науку и образование в Венгрии имело ограниченный эффект и быстро сошло на нет, уступив западным моделям и теориям.

Девятую главу «Трудная институционализация в аргентинских социогуманитарных науках: расширение, асимметрия и сегментированные схемы признания» написали Фернанда Бигель (Национальный университет Куйо, Мендоса, Аргентина) и Густаво Сора (Национальный университет Кордоба, Аргентина). По их представлениям, движение аргентинских социогуманитарных наук к современной фазе развития происходило циклически, в сильной зависимости от политических и экономических перемен. Важной тенденцией этого развития стало разделение на международную и национальную ориентацию производства научного знания в Аргентине. Причем доминирующей была обращенность печатной продукции к местному или латиноамериканскому контексту. Другой тенденцией было доминирование в академической среде обладателей ученых степеней, полученных именно в Аргентине, что все более противоречило выдвигаемым требованиям публикаций в международных источниках.

Институционализацию социогуманитарных дисциплин можно было бы назвать ранней, если смотреть, когда появились первые кафедры (социология — в 1898 г., психология — в 1902 г., антропология — в 1906 г.). Однако еще полвека после этого институциональные процессы влияли на прогресс дисциплин меньше, чем личный жизненный путь наиболее ярких ученых. Бигель и Сора подчеркивают, что тогда автономия университетов создавала регулярное напряжение в отношениях с правительством, что вело к высокой степени политизации студенчества. В середине XX в. в аргентинские университеты пришли модернизация, феминизация и рас-

ширение изучаемых специальностей. Наиболее крупные ученые быстро становились руководителями первых исследовательских или образовательных центров. В 1958 г. был создан Национальный совет по научно-техническим исследованиям (CONICET), призванный урегулировать интересы академического сообщества с правительством и бизнесом и выступивший проводником дальнейшей академической профессионализации в Аргентине. Но его политика встретила сопротивление студенчеством, воодушевленного ходом холодной войны в мире и победой кубинской революции.

Авторы пишут, что эпоха диктатуры с 1976 по 1983 г. негативно сказалась на академическом развитии Аргентины. Целые направления (социология, антропология, социальная работа, психология, журналистика) были закрыты, сотни преподавателей и студентов убиты или заключены в тюрьму. Хотя финансирование университетов сильно сократилось, центр научной жизни перешел в CONICET, которому удалось получить значительные финансовые средства от Межамериканского банка развития. Но разрыв образования и науки только увеличился. После диктатуры закрытые прежде специальности были восстановлены в университетах. Несмотря на усилия по вовлечению университетских преподавателей к проектам CONICET, кризис 1990-х воспрепятствовал их результативности. Только с 2007 г. правительству удалось принять новые меры по повышению ассигнований на академическую сферу, для чего появилось Министерство науки и технологии. За последующее десятилетие включенность преподавателей в научные проекты CONICET возросла в несколько раз, а число докторских стипендий увеличилось в четыре раза.

Поскольку для преподавания в аргентинском университете докторская степень необязательна, пишут авторы, то лишь около 10 % преподавателей имеют ее, что особенно характерно для провинциальных университетов. Все рычаги власти при такой ситуации сосредоточены у маленькой группы дипломированных профессоров и деканов. Еще меньше по численности группа тех, кто имеет доступ к финансам CONICET, участвует в исследовательских проектах и международных конференциях, а также печатается в международных журналах. Совмещение исследовательской должности в CONICET с преподавательской должностью в университете является сегодня показателем большой академической успешности в Аргентине. Зато различия между теми, кто работает в системе CONICET и остальными заключается не только в разных критериях и целях работы, но и в разном отношении к аргентинской политике. Таким образом, в стране с высокой степенью поляризации богатства академический успех также ограничен очень узким привилегированным кругом лиц, локали-

зованных метрополией Буэнос-Айреса. Значительная доля главным образом молодых докторов получили дипломы в Аргентине, тогда как в среднем поколении преобладают те, кто защищался за рубежом, хотя среди старшего поколения наиболее влиятельных лиц можно найти не только обладателей иностранных докторских дипломов, но и людей совсем без оных.

В рамках деятельности CONICET численность женщин преобладает (около 55 %), хотя в таких науках, как экономика и политические науки, мужчин остается более 60 %. Здесь также развиты междисциплинарные институты, в то время как в национальных институтах при университетах картина более разнообразна. Бигель и Сора утверждают, что сегодня публикационная активность стала решающим фактором академической карьеры и сегментирована по трем параметрам: языку, дисциплинам и аффилиации, что продолжает воспроизводить академическую поляризацию в национальном масштабе.

Заключительные ремарки ко всей монографии написали авторы введения Кристиан Флек, Маттиас Дуллер (Университет Грац, Австрия) и Виктор Каради (Центральный Европейский университет, Венгрия). Они обращают внимание, как национальное государство конструирует требования к производству знаний и рассматривает условия международной кооперации. Ими также резюмирован опыт различных государств в науке и образовании по семи социогуманитарным дисциплинам. В заключение представлена модель действия факторов, определяющих процессы изменений в различных академических сферах.

Авторы констатируют, что для многих национальных традиций изучения общества основным объектом была собственная страна, что в конечном итоге естественно порождало «методологический национализм». Помимо высокой важности национальных систем в конструировании социогуманитарного знания, возрастающее значение имеют международные связи и отношения. Европейская интеграция представляет собой пример повышения роли наднациональных институциональных форм. Но если посмотреть с точки зрения индивидуальности, рассуждают Флек, Дуллер и Каради, то отдельный ученый поставлен в условия действия разных систем признания его профессионализма, работающих по особым критериям. Существенную роль в выборе ученого играет конкретная ситуация в его профессиональном коллективе, где он получает доход.

Авторы подмечают, что почти повсеместной тенденцией стало то, что «старомодный режим высокого доверия к профессору, при котором он мог следовать собственным принципам и процедурам без какого-либо надзора или учета, в настоящее время ликвидирован» (р. 369). Финансовые

издержки академической системы в Европе сегодня несет налогоплательщик, а решения по использованию средств принимаются уполномоченными государственными служащими. Во всех странах наиболее острым является именно вопрос о распределении ответственности и решений на разных уровнях управления и организации академической деятельности. Также авторы видят общность трех тенденций. Во-первых, за период второй половины XX в. существенно увеличилось количество студентов, а как следствие — и профессоров. Во-вторых, в социально-гуманитарные науки расширился приток женщин на всех уровнях. Наконец, третья тенденция, связанная с Болонским процессом, унифицировала образовательный процесс в Европе сразу по нескольким параметрам.

Без сомнения, делают вывод Флек, Дуллер и Каради, именно дисциплинарные границы продолжают играть огромную роль в институциональной организации социогуманитарных наук. И картину изменений в каждой отдельной дисциплине сложно подвести под единый стандарт. Авторы замечают закономерность: чем более централизована и громоздка система управления в университетах, тем хуже она реагирует на изменения интересов молодежи относительно программ обучения и на дисциплинарную эволюцию науки. Почти повсеместно имеет место ориентация на англо-американские академические модели. Наконец, постепенно снижается экспертная роль администрации и повышается роль профессиональных групп и объединений в решении вопросов оценки качества научной деятельности.

В конечном итоге предложенная читателю монография выглядит вполне добротным и оригинальным исследованием. Авторам удалось смоделировать единую схему, подчинив отдельные главы общей логике. Конечно, не во всем главы одинаково следуют плану, поскольку авторы самостоятельно интерпретируют исследовательский подход. Однако они читаются легко и несут много полезной информации, давая почву для сопоставления с российской академической жизнью. Подход авторов, который фокусирует внимание на институциональных процессах, конечно, дает мало пищи для понимания собственно содержательного развития научных дисциплин, что должно быть важнейшим элементом исследований по истории социологии. Тем не менее работа позволяет увидеть историко-научный процесс с той стороны, которая обыкновенно остается в тени.

**BOOK REVIEW: SHAPING HUMAN SCIENCE DISCIPLINES:
INSTITUTIONAL DEVELOPMENTS
IN EUROPE AND BEYOND (2019)**

**EDITED BY CHRISTIAN FLECK, MATTHIAS DULLER,
VICTOR KARÁDY. PALGRAVE MACMILLAN. —
396 p. ISBN 978-3-319-92779-4**

Mikhail Sinyutin (sinewtin@yandex.ru)

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Sinyutin M. (2019) Book review: *Shaping Human Science Disciplines: Institutional Developments in Europe and Beyond* (2019) Edited by Christian Fleck, Matthias Duller, Victor Karády. Palgrave Macmillan. — 396 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(1): 225–241 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.10>